

Люй Бувэй поправил полы халата и, церемонно сложив ладони перед грудью, приветствовал всадников вежливой, угодливой улыбкой.

Он поспешно сунул в руку командира отряда увесистый кошель:

— Господин офицер, нелёгкая у вас служба. Что-то случилось? Мы водим знакомство с чжаоским офицером Гунсунем. Если дело пустяковое, прошу вас, проявите снисхождение.

Молодой командир взвесил кошель на ладони и, даже не заглядывая внутрь, небрежно бросил его ехавшему следом подчинённому.

Вперив в Люй Бувэя ледяной взгляд, он холодно усмехнулся и резко взмахнул рукой, приказывая своим людям:

— Обыскать всё! Наследный принц Цинь может прятаться здесь!

Люй Бувэй тут же достал ещё несколько пухлых мешочков с монетами, поднял их над головой и принялся угодливо кланяться, лебезя перед офицером:

— Пощадите, господин командир! Мой караван везёт лишь чжаоские товары, вещи хрупкие, не побьётся ли чего при обыске? Умоляю, поаккуратнее. А эта малость — вам и вашим храбрецам на вино.

Тот бесцеремонно забрал золото и раздал его дружинникам.

Заметив, что купец усердно кланяется и печётся лишь о сохранности своего добра, даже не заикаясь о беглом Наследном принце Цине, командир заметно расслабился. Гнев на его лице сменился снисхождением.

Он кивнул:

— Ладно, довольно слов. Если Наследного принца Циня среди вас нет, мои люди не станут чинить вам препятствий.

— Благодарю вас, господа воины! Век буду благодарен! — Люй Бувэй рассыпался в ответных поклонах, едва не касаясь лбом земли.

Купец едва заметно повёл бровью, подавая знак слугам. Те со всем рвением бросились открывать огромные дорожные сундуки, стоявшие на возах. В каждом из них вполне мог бы укрыться взрослый мужчина, однако внутри ровными рядами лежала лишь чжаоская утварь — ни намёка на спрятавшегося беглеца.

Когда взор командира переместился на два крытых воза, предназначенных для пассажиров, Люй Бувэй поспешно выкрикнул:

— Живее, откиньте полог на задней повозке, пусть господин офицер всё осмотрит!

Тут же повернувшись к командиру, он вкрадчиво зашептал с заговорщицкой ухмылкой:

— Прошу великодушно простить, господин офицер, моим юным наложницам нужно лишь пару мгновений, чтобы запахнуть одежды...

Не дослушав лепета, офицер грубо оттолкнул купца, шагнул вперёд и кончиком обнажённого меча резко откинул тяжёлую занавесь.

В полумраке повозки мелькнула соблазнительная белизна женской плоти. Глаза офицера округлились, и он застыл как вкопанный, не в силах отвести заворожённого взгляда от представшей картины.

Из-под пушистых лисьих шкур белело тонкое, точёное плечо, отливающее нежным нефритовым блеском. Лицо «красавицы» заливал густой румянец, а томные, влажные от слёз глаза выражали сладостную истому. Рядом, полуобнажив пышную грудь, бесстыдно раскинулась вторая прелестница, прерывисто и сладко вздыхая.

Две девы прямо в повозке предавались тайным ласкам!

Командир шумно сглотнул. Вспомнив, в каком растрёпанном виде Люй Бувэй только что покинул этот экипаж, он густо покраснел, сообразив, какими утехами тут занимались мгновение назад.

Поспешно задернув занавеску, он попятился. Перед ним стоял Люй Бувэй, чьё лицо утратило былую слащавость. Офицер уколол купца завистливым взглядом: как смеет этот презренный торгаш владеть столь дивными наложницами? Брезгливо поморщившись, воин поспешил отступить, не желая более мараться разговорами.

Вспомнив наконец о своём долге, он напустил на себя суровый, высокомерный вид:

— Раз беглого Наследного принца Циня здесь нет, проваливайте быстрее. Нечего путаться под ногами и мешать государевой службе.

— Слушаюсь, господин офицер! Бесконечно признательны за вашу доброту. Передайте, коли свидитесь, мой низжайший поклон достопочтенному Гунсуню, — залебезил вслед Люй Бувэй.

С заискивающей улыбкой, выдающей малодушного труса, он загородил собой повозку.

Командир одарил его презрительным взглядом и гаркнул своим людям:

— По коням! Уходим!

Сотня обученных чжаоских всадников мигом развернула коней и умчалась прочь, растворившись в дождливой дымке так же стремительно, как и появилась.

Люй Бувэй шумно выдохнул и порывисто откинул занавесь. Ему не терпелось узнать, какое диво заставило придирчивых чжаоских ищеек забыть о долге и броситься наутёк без тщательного досмотра.

Но стоило ему заглянуть внутрь, как вся спесь с него слетела. Царевич Цзычу, бледный и взволнованный, бережно прижимал к себе смертельно испуганную Чжао Цзи. По лицу его катился холодный пот, и он непрестанно шептал ей слова утешения.

Лихорадочный, пугающий румянец пылал на щеках женщины. Её пальцы мёртвой хваткой вцепились в рукав Цзычу, впиваясь ногтями в дорожную шёлковую ткань так сильно, что швы трескали по швам.

— Что случилось? — оторопело спросил Люй Бувэй, глядя на эту сцену.

Начни женщина рожать на глазах у солдат, молодой вояка не сбежал бы в таком смущении. Но ведь укрывшиеся в повозке Цзычу и Чжао Цзи просто не могли разыграть иную уловку.

— Великий наставник, какой сегодня день? — тихо спросил Цзычу. Из-за непрерывной погони и спешки он совершенно потерял счёт времени.

Лишь теперь в его памяти всплыло, что срок родов Чжао Цзи подходил как раз к дням их побега!

Люй Бувэй удивлённо воззрился на царевича, не понимая, к чему подобные расспросы в такую минуту, но ответил:

— Двадцать шестой день первого лунного месяца.

Цзычу помертвел лицом, став почти столь же бледным, как и изнывающая от схваток Чжао Цзи.

В панике он воззрился на Люй Бувэя и сбивчиво запричитал:

— Скорее, нужно найти деревню... Нет, хотя бы тихое место! Пусть Божественный лекарь Вэй

немедленно осмотрит Чжао Цзи! Если она рождает, нужно срочно развести огонь, согреть воду и всё приготовить!

— Позовите божественного лекаря Вэя! — крикнул слугам Люй Бувэй, но сам не отступил от повозки ни на шаг.

Такое навязчивое присутствие вызвало у Цзычу глухое раздражение.

«И чего ты так суетишься? — подумал он. — Неужто думаешь, что Чжао Цзи рождает твоего наследника?»

Пожилая Чжао Сун-ши, стоявшая рядом, явно разделяла эти мысли.

Она бесцеремонно отпихнула Люй Бувэя локтем и забралась внутрь. Более того, она без лишних церемоний выставила из повозки даже опешившего царевича, ворча:

— Ступайте отсюда, ступайте оба! Где это видано, чтобы мужчины торчали у постели роженицы? Господин мой, не извольте беспокоиться, ложитесь на меня.

С этими словами она втащила следом за собой Божественного лекаря Вэя и с силой задернула плотную занавеску, наглухо закрывая обзор.

Люй Бувэй и Цзычу растерянно переглянулись. Обоих томило неодолимое, гнетущее беспокойство.

Увлекая царевича во вторую повозку, купец тихо заговорил, стараясь подбодрить его:

— Мой господин, не терзайте себя напрасно. Женская доля такова, что испокон веков все рожают. Не бойтесь, Чжао Цзи благополучно разрешится от бремени.

Цзычу попытался улыбнуться, но губы лишь судорожно дрогнули, а тело по-прежнему оставалось натянутым, словно тетива.

С тех пор как он очутился в этом времени, все его помыслы были направлены на спасение собственной шкуры. Он без устали планировал побег из враждебного Царства Чжао. Но из-за этого великий объединитель Поднебесной, будущий император Цинь Шихуанди, родился теперь не в тишине и покое заложнической усадьбы в Ханьдане.

Ни толпы слуг, ни должной охраны, ни мало-мальски сносных условий — величайшему владыке суждено было явиться на свет в убогой дорожной повозке, посреди глухого, заброшенного леса.

Ход истории неумолимо сдвинулся с привычной колеи.

И кто теперь поручится, что Ин Чжэн вообще сможет благополучно родиться?

«Что, если из-за меня погибнет человек, которым я так восхищался в будущем?» — эта мысль ледяной иглой колола разум.

Цзычу лихорадочно убеждал себя, что всё обойдётся, ведь Ин Чжэн — истинный Сын Неба, рождённый под знаком дракона. Ему суждено выжить. Но тревога чёрным туманом клубилась в груди, не желая отступать.

Наконец полог соседней повозки приоткрылся, и наружу выбрался Божественный лекарь Вэй. Подойдя к убежищу мужчин, он негромко доложил:

— Для госпожи эти роды первые, так что дело быстро не кончится. Однако пульс у неё ровный, силы есть, так что явной угрозы жизни я не вижу.

Простые слова лекаря принесли долгожданное облегчение.

Напряжение, сковавшее черты Цзычу, немного спало, однако он тут же вновь нахмурился.

Обратившись к купцу, царевич с горечью произнёс:

— Снова зарядил дождь, хворост отсырел, костра не развести. А ведь роженице дозарез нужны чистая горячая вода и сухие холсты! Как же нам быть?

Люй Бувэй лишь отмахнулся, не разделяя его тревог:

— Мой господин, кругом глушь, до ближайшего жилья версты пути. Придётся терпеть. Простые бабы в полях рожают, и ничего — обходятся без этих ваших причуд.

Цзычу порывался было возразить, но, взглянув на невозмутимое лицо собеседника, смолчал. Потупив взор, он лишь негромко попросил:

— И всё же я прошу вас, Великий наставник, велите достать из запасов как можно больше чистых шёлковых отрезов для госпожи.

Тронутый печальным и кротким видом юноши, Люй Бувэй ласково сжал его ладонь:

— Разумеется, мой господин. Всё, что в моих силах, я исполню. Но с костром в такой ливень совладать и впрямь невозможно, тут уж простите.

Цзычу сейчас было совсем не до любовных ухищрений купца.

С трудом выдавив из себя подобие улыбки, он подался вперёд и, желая лишь одного — чтобы тот замолчал, утомлённо прислонился лбом к его плечу.

Люй Бувэй вздрогнул. Какое-то время он сидел не шевелясь, словно громом поражённый, а затем робко приобнял Цзычу за плечи.

Убедившись, что его не отталкивают, он расплылся в довольной улыбке и принялся нежно гладить юношу по спине, неторопливо приговаривая:

— Ничего, мой господин. Впереди у вас будет ещё немало сыновей и дочерей, со временем это перестанет казаться столь пугающим. Первенец — всегда испытание. Помню, когда у меня родился наследник, я целые сутки метался по двору как безумный. А стоило младенцу закричать, я от облегчения без чувств рухнул.

Цзычу лишь глухо отозвался, не желая продолжать разговор. Решив, что царевич слишком изнурён заботами о супруге, купец умолк, сопереживая его молчанию.

Бег времени неумолимо ускорился.

Муки Чжао Цзи сделались нестерпимыми. Очередная волна боли так жестоко сжала её утробу, что женщина содрогнулась. Окажись у неё под рукой кинжал, она, не задумываясь, распорол бы собственный живот, лишь бы прекратить это нескончаемое истязание.

Крупные капли пота катились по её лбу, путаясь в мокрых, облепивших лицо прядях волос.

Новая резкая судорога пронзила низ живота. Не в силах более сдерживаться, Чжао Цзи истошно, дико закричала. Её полный невыносимого страдания вопль взмыл над вековыми деревьями и далеко разнёсся по округе, вплетаясь в заунывный шум ночного дождя. Всполошённые стаи птиц с шумом сорвались с ветвей и с тревожным клёкотом бросились врассыпную.

И вдруг мрак глухой ночи разорвало багровое, царственное сияние. Оно разом разогнало сырую мглу и затушило пелену дождя, окутав караван живым, тёплым светом небесной зари. Тревожный гомон птиц сменился нежным, мелодичным щебетом, а сами они, озаряемые дивным пламенем, порхали среди крон, устилая чашу отблесками ярких перьев, точно стая огненных фениксов, парящих в вышине.

— Дракон! В тучах летит дракон! — потрясённо завопил один из погонщиков, указывая дрожащей рукой в небеса.

В то же мгновение над горами прокатился громopodobный, исполненный грозной силы

тигриный рык, заставивший каждого невольно склонить голову в священном трепете.

Цзычу, прищурившись, уставился на клубящиеся облака. В голове у него не осталось ни единой связной мысли.

«Да уж, — подумалось ему. — В хрониках рождение Цинь Шихуанди описывалось столь вычурно, словно он явился на свет без земного отца. Но теперь, зря этот феномен воочию, приходится признать: древние историки ничуть не преувеличивали. Они лишь с дотошной точностью запечатлели явленное чудо».

Ин Чжэн действительно был рождён править миром. Истинный Сын Неба!

Обычное появление младенца на свет обернулось грозным знамением, потрясшим саму природу.

Вдруг сквозь тишину пробился глухой, нарастающий гул конских копыт. Цзычу побелел как полотно и испуганно уставился на Люй Бувэй. Купец ответил ему столь же полным ужаса взглядом.

«Беда! — пронеслось в головах обоих. — Чжаоские ищейки возвращаются!»

Подобные небесные знамения могли сопутствовать лишь рождению великого владыки или княжеского отпрыска. Теперь у врагов не останется сомнений: беглый Наследный принц Цинь скрывается именно в этом караване.

Этот паршивец Ин Чжэн едва родился, а уже подставил под удар всех спутников, точно разбойник, на чью голову объявили награду по всей стране!

— Нужно бежать! — прошипел Люй Бувэй и, крепко ухватив Цзычу за руку, попытался увлечь его за собой в глубь леса.

Цзычу на миг замешкался, но затем решительно высвободил запястье, оттолкнул купца и бросился назад к повозке роженицы.

Люй Бувэй в ярости стиснул зубы. Смерив царевича быстрым взглядом, он резко повернулся к верным слугам:

— Уходим. Нужно затаиться и переждать бурю.

<http://bllate.org/book/18277/1750285>